

**Религиозно-мифологическая картина мира
вологодского крестьянина
(на материале словаря П. А. Дилакторского)***

Как известно, язык выражает и эксплицирует религиозно-мифологическую, философскую, научную, художественную и другие картины мира, которые через посредство специальной лексики и других единиц языка осваиваются языковым сознанием. Каждая из этих картин может быть обнаружена при анализе словарного состава языка. Языковым воплощением религиозно-мифологической картины мира вологодского крестьянина XIX века, формирующейся во взаимодействии экстра- и интралингвистического, явля-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 03-04-00479а)

ется вся совокупность лексики традиционной духовной народной культуры. Диалектные словари становятся средством восстановления той или иной системы религиозных представлений. «Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П. Дилакторского включает в себя лексику, отражающую как традиционные христианские верования, так и различные демонологические представления.

Религиозная лексика в словаре П. Дилакторского может быть разделена на 2 группы:

1) собственно диалектная лексика (*поповка, каризни, черничка и др.*);

2) диалектные фонетические варианты общерусских слов (*Восподь, Осподь, кститься, окстить, свича и др.*).

Наличие этих двух групп обусловлено двумя задачами при составлении словаря, которые в свое время поставил перед П. Дилакторским А. А. Шахматов. Последний писал в одном из своих писем П. Дилакторскому следующее: «Я поставил бы на первом месте вопрос о словах, употребляющихся в отличном значении или совсем неизвестных, а уже на втором – вопрос об особенном произношении известных слов...» [4: 3].

Тематически религиозную лексику в словаре П. Дилакторского можно разделить на несколько групп:

1) наименование мифологических персонажей (*волосатик, дедок, домовой, суседко, жаренишк, овинник и др.*);

2) наименование людей, связанных с темными силами (*ведун, вельма, гад, еретик, заклинатель, знаток, отпущенник, смотрок, килунья, федьма, шептанник, кудесник*);

3) наименование людей церковного причета (*караульный, боговик, кучка, батька, батявка и др.*);

4) обозначение дней и праздников церковного года (*Вербница, Водокрещенье, Второго Спаса, Грозная неделя, Зверинная неделя, Иван постный, Капля, Звижев день, Еремей, Запрягальник, Колосеница, Засевальница, Ледоломка Суслонница и др.*);

5) наименование церковных служб (*завтрена, завтрина и др.*),

6) название различных предметов, связанных с религиозным культом (*гойтан, висило, Евандельё, Ёрдан и др.*);

7) наименование различных религиозных действий (*дзюргать, зазорить, зачураться, закармливать назиму, измолосниться, зааминить, закаяться и др.*).

Разберем более подробно первую ТГ – мифологические персонажи (МП): В эту группу мы включаем только ирреальных персонажей и не включаем реальных персонажей, имеющих ирреальные черты и свойства [18: 15] (Ср. 2 ТГ). Исследованием мифологической лексики занимались многие ученые (А. А. Потехня, Н. И. Толстой, Э. В. Померанцева) [9, 10, 16], нашей целью является восстановить систему МП, функционирующей в XIX в. на территории Вологодской губернии.

В основание классификации МП может быть положено несколько дифференциальных признаков, выделенных О. А. Черепановой [18: 12], эти признаки зачастую выступают как мотивирующая основа наименования МП: внешний облик МП, место, время функционирования МП, функция МП, форма проявления МП, отношение человека к МП.

По отдельной черте внешности мотивировано наименование *волосатик*: «*Волоса́тик* (Вел., Ник., Сол., В-Уст). *Водяной* (нечистый дух)». Такая мотивация особенно характерна для наименования различных представителей нечистой силы (черта, беса), т. к. народные представления об этих образах сложились под воздействием христианства, приобрели устойчивые характеристики, в числе которых особое место занимает волосной покров. Здесь наблюдается синкретизм наименований черта и других персонажей: волосатик – черт и водяной. Отдельной чертой внешности, выступающей как мотивирующий признак, может быть цвет: «*Белая баба* (Кадн.) – *русалка*. По словам М. А. Иваницко, «в каменистых реках она иногда выходит из воды, садится на камень и расчесывает себе волосы, заметив человека сейчас же кидается в воду» (мат-лы)».

Особое место занимают эмфатические бранные конструкции с наименованием МП: «*Волосатик бы ты взял* – кричат в ярости (Шайтанов – рук.)». «Бранные выражения, в которых фигурирует мифологическая лексика, может иметь остаточно-мифологический характер. Их первоначальная функция – магическая; стремление причинить зло с помощью обращения к недобрым силам» [18: 74].

Эмфатические бранные конструкции могут включать мифологемы, образованные на основе вторичной лексической номинации: «*Сулема́* (Волог.). 1) *Сор, дрянь* (Баженов). 2) (Повс.) *Мышьяк, всякий яд, трава, употребляется как пожелание в гневе. Сулема ты дала! Сулема ты возьми!* (Ив-рук.)». Здесь уже имеющиеся в языке номинативные средства используются в иной функции и представляют собой окказиональное употребление лексических значений в несобственной номинативной функции. Итак, в эмфатическом бранном контексте слово *сулема* в значении 'отрава' включается в круг мифологической лексики. Контекстуально это слово может быть заменителем слова *черт*. Подобный семантический сдвиг в направлении предмет, явление → мифологическое существо наблюдается у слова *комуха*: «*Комуха́* (повс.). – *лихорадка. Часто употребляется в ругани, в сердцах: Комуха его знает – куда ушел. Комуха и с ним-то!...*». Замещение слова *черт* на основе отрицательной экспрессии слов *сулема* и *комуха* позволяет говорить о наличии определенной семантической модели, представленной на территории Вологодской области в XIX веке.

Другое наименование МП, обитающего «ниже земли», а значит в воде (в словаре нет образов подземных духов), – *водяник* – мотивировано другим признаком. Место обитания: «*Водяни́к* (Тот.). *Водяной, мифическое существо, живущее в воде, реке*» – служит основным мотивирующим признаком наиме-

нования. Слово образовано от адъективной основы с продуктивным суффиксом лица *-ик-*.

В наименовании одного и того же МП может наблюдаться функциональная избирательность. Так, например, слова *лешак* или *леший* и *лесной*, наименования которых мотивированы местом обитания, различаются функционально и стилистически: слово *лесной* имеет нейтрально-назывную функцию: «*Лесно́й* (Сол.). *Леший, нечистый дух, обитающий, по мнению народа, в лесу (Муромцев – Н.О.)*», тогда как слова *лешак* и *леший* наделяются ярко выраженной отрицательной экспрессией, употребляясь в эмфатических бранных конструкциях: «*Леша́к (повс.). То же что лесной. Лешак те понеси! Ну те к лешему. (Ив. рук.)*». На основе своей отрицательной экспрессии эти слова образуют ряд устойчивых сочетаний, аналогичных тем, которые включают слово *черт*. Эти слова втягиваются в устойчивую синтаксическую модель определенной функциональной направленности, что позволяет их переосмыслить.

Слово *лешак* образовано суффиксальным способом по непродуктивной для данной ТГ словообразовательной модели: *лес лешак*. Суффикс *-ак* в русском национальном языке имеет значение лица или существа и носит оттенок разговорности и фамильярности [11, 1: 216-218]. Очевидно, что коннотативные семы 'отрицательная оценка', 'экспрессия', характерные для лексического значения данных слов, получают свое выражение и на структурном (морфемном) уровне.

Еще один МП, обитающий в лесах, имеет нейтрально-назывную функцию: «*Де́дко (Кадн., Тот., В-Уст.). Леший лесной (мифическое существо обитающее в лесах)*». В основе номинации, видимо, лежит представление об антропоморфном облике персонажа. Кроме этого, наименование *дедко* связано с культом предков. В языческом сознании славян мифологические персонажи часто воспринимались как предки, умершие родичи.

«*Домово́й (Вол., Гряз., Кадн., Вел., Тот., Сол., Ник., В-Уст.). По народному суевию, мифическое существо, обитающее в домах и главным образом ухаживающее за скотом. Существуют рассказы, что и видели домовых: весь лохматый, напоминает фигурой несколько зайца и имеет большую длинную бороду. Домовой любит скотину одной какой-нибудь масти. За любимым скотом он смотрит, принесет корму, если мало его в яслях, и когда лошадь наестся, то он садится на нее верхом и заплетает гриву. Скотину же, которую он не любит, он отталкивает нередко от ясель и, хотя бы ясли и были полны сена, но он не даст ей поести досыта. Кроме того, он садится на такую лошадь и гоняет ее по двору (хлеву). Утром приходит хозяин и застаёт лошадь в пене и голодную. Поэтому-то крестьяне и стараются покупать скотину по вкусу домового. Зовут его еще дворовым, дворовушком батманком, батаманом*».

Лексема *домовой* не имеет территориальной ограниченности, входит в состав русского национального языка Основным мотивирующим признаком также является место обитания.

По мнению О. А. Черепановой, слово *домовой* мотивировано функцией владения, управления хозяйством, домом [18: 61], потому как слово *дом* примерно до XIII в. не было основным наименованием жилого строения. Самое раннее употребление лексемы *домовой* датируется 1499 годом: *Домовое церковное Пречистыя Богородици* [14, 1: 701], и имело значение 'относящийся к дому, жилью'. Затем, примерно с XVII в., происходит расширение семантики данного слова. В словарях XI – XVII вв. среди четырех различных значений выделяется значение субстантивированного прилагательного *домовой* или *домашний дух*'. В словаре В. И. Даля (XIX в.) *домовой* и производные от него активно функционируют в значении 'дух хранитель и обидчик дома', кроме того отмечается его принадлежность к месту обитания – конюшне: «Он особенно хозяйничает на конюшне, заплетает любимой лошади гриву в колтун, а нелюбую вгоняет в мыло...» [2, 1: 466].

Лексемы *домовидушка* и *домовид* в значении *домовой*' этимологически состоят из двух основ *dom-* и *vit-* (*a-ti*). По мнению О.А. Черепановой, непосредственным источником слова является церковно-славянское *домовитъ* 'владелец дома' [Ср.: 14, 1: 698; Мф. 21: 33]. Семантическое затухание основы *vit-* (*a-ti*) ведет за собой развитие вторичной мотивации в таких образованиях, как *домовидушко*, *дововид*.

Домовой в значении 'мифическое существо' образовано путем субстантивации, имеет древний корень *дом* общиндоевропейского характера, который встречается в укр. *dit*, ст/сл. *домъ*, болг. *домъ*, словен *dom*, чеш. *dum*, слвц. *dom*, польск., в-луж., н-луж. *dom*. Дом родственно др-инд. *damas* «дом», *datinas* 'домашний, связанный с домом', лат. *domus* (Фасмер I, 526).

В словаре встречается ряд других словарных статей с наименованием *домового*:

«*Батаман*, *Батамушка*, *батамушко*, *батамушко* (Сол., Яр., Устье). То же, что *батаманка*».

«*Батаманка*, *батаманко* (Сол., Устье). *Домовой*, мифическое существо, живущее в каждом доме. Дух добрый. Он главным образом следит, чтоб у скота был всегда корм».

«*Батаманушко*, *ботамушко*, *ботамушка* (Сол.). *Домовой* (Муромцев, Баженов)».

У данных лексем (*батаман*, *батаманка(-о)*, *ба(о)тамушка(-о)*, *батамушко*, *ботаманушко*) сложно определить мотивирующий признак. По мнению Д. К. Зеленина, *батаман*, *батаманка* *ботаманушко* в значении 'домовой' являются переделкой слова *атаман* [6: 106], однако в словаре П. Дилакторского представлены усеченные варианты этой мотивирующей основы (*ба(-о)тамушка(-о)*), а также фонематический вариант *батанушко*.

Словарь содержит наименование и женского духа дома: «*Кикимора* (Кадн., Вол., Вел.). Мифическое существо: жена *домового*. Употребляется это слово и как ругань для женщин особенно злых. Ах ты, кикимора проклятая! <...> По словам Н. А. Ивануцкого, кикимора – дух, имеющий вид девушки в белой рубахе или в другой какой одежде, живет в гумнах до святок и

после святок куда-то уходит. Видеть ее случается очень редко (материалы)». По мнению М. Н. Власовой, женский дух дома некогда был самостоятельным МП, но по мере разрушения системы мифологических представлений он стал выступать в роли жены домового. В основе номинации лежит признак уродливой внешности, горбатости скрюченности [1: 170; 18: 130]. Лексема не имеет территориальной ограниченности. В литературном языке функционирует в значении 'нечистая сила в женском образе'. С пометой *прост.* употребляется как бранное слово, а также кикиморой в просторечии называют уродливую или некрасиво одетую женщину [13, 2: 48].

По сведениям СРНГ, слово *кикимора* многозначное [12, 13: 205]. В словаре П. Дилакторского данная лексема используется при наименовании человека с определенными чертами характера и поведения. В значении 'род домового', 'проказящий по ночам с веретеном, прялкой' отмечено В. И. Далем без указания места [2, 2: 107]. Подробная этимологизация слова *кикимора* проведена О. А. Черепановой [18: 128-133].

Еще два МП в словаре П. Дилакторского мотивированы местом обитания – *овинник* и *банник* или *банный*: «*Ови́нник (Кадл.) – по народному поверью, дух добрый, живущий в овине. Когда засушивают овин в первый раз, то просят овинника, чтоб он все сохранил в целостности от невзгод и ненастей, а когда кончат молотить, то кланяются в отворенную дверь овина и говорят: «Спасибо тебе, батюшко овинник, послужил верой и правдой (Иваницкий – мат-лы)».* Овин – важное место в крестьянском хозяйстве, «двухэтажное здание около тока или гумна» (Дилакторский: *овин*), «строение для сушки снопов перед молотьбой» [8: 442]. Место обитания – основной признак, положенный в основу номинации 'живущий в овине'. В отличие от других регионов в Вологодской губернии крестьяне положительно относятся к данному МП. В значении 'дух добрый, живущий в овине', слово *овинник* образовано по продуктивной словообразовательной модели с суффиксом лица -ик: овин → овинный → овинник.

«*Ба́нной, ба́нный, ба́нник (Гр., Вол., Ник., В.-Уст., Устьсыс.). Мифическое существо, обитающее в бане, дух недобрый, а поэтому вечером или ночью небезопасно ходить в баню».*

Мотивирующим признаком является место обитания – баня. Слово *баный* образовано по продуктивной словообразовательной модели путем субстантивации прилагательного: баня → баный (прилаг.) → баный (сущ.); слово *банник* образовано от адъективной основы при помощи продуктивного суффикса лица -ик: баня → баный (прилаг.) → банник.

Значительная часть МП, представленных в словаре П. Дилакторского, имеет устрашающую или вредоносную функции.

Додон – МП, устрашитель. Функция устрашения является основной и единственной: «*Додо́н (Вол.) – мифическое существо, которым пугают ребят. Какой додон-от идет! (Дорогин)».* По мнению О. А. Черепановой, наименование мотивируется по внешнему облику «с признаком неестественности, уродливости формы» [18: 65]. Этот персонаж может быть мифологизиро-

ванным богатырем из фольклорной повести о Бове-королевиче, где отцом Бовы является Dodo de Mogance [17, 1: 521]. Непосредственный источник слова додон 'пугало' О. А. Черепанова видит в диалектном додон 'неуклюжий человек' Владимирской губернии [См.: 12, 8: 89].

МП - устрашителями являются *жареник* и *жареница*, представляющие собой мужскую и женскую разновидности МП. Функция устрашения (*«Жа'реник, жарени'ца (Кадн.) – мифическое существо, обитающее на гороховищах, им пугают ребятишек, чтоб они не ходили мять горох»*) сложилась в результате изменения их глубинной семантики. Мотивирующий признак – полдневная жара – позволяет включить этот МП в группу МП солярного цикла [1: 148]. По сведениям М. Н. Власовой, сведения об этом образе ограничены Вологодской областью.

Демон – специфический вредоносный образ. Христианский по происхождению – нечистый дух, объединяет верховного владыку царства зла (дьявол) и «рядовых» его служителей (черт): *«Де'ман (Гр., Вол., Кадн., Вел., Тот., Ник.) – демон, дьявол, черт, чаще употребляется в ругани: «Деман с тобой-то!», «Да деман и с ним-то!», «Деман его знает».* «На основе многочисленных, табуистических и эмфатических наименований черта происходит дробление образа, наполнение отдельных его имен дополнительным понятийным содержанием, в результате чего появляются новые персонажи» [18: 41].

В основе многочисленных наименований МП лежит христианская оппозиция: святой - греховный, чистый – нечистый: *«Нечи'стой (Тот., Яр., В-Уст., Вол.) – нечистая сила, черт. На ночь-то разве можно нечистого поминать»; «Чекы'ш (Ярен.) - черт (Куклин – Ив. – рук.); «Шш'ику'н (Сольв., Ярен.) - нечистый дух, черт, домовый (Баженов); «О'мег, о'мек (Ник.) - нечистый дух, нечистая сила. Омег тебя унеси (Баженов); употребляется как брань, ругань. Экой омег (Иваницкий – рукопись), Эдак ведь, как омик насолил, нельзя и хлебать-то (Свящ. Попов)».*

Вторичная номинация МП может возникать на основе отрицательной эмоциональности: *«Пога'ный (повс.). Нечистый».* В церковнославянском языке слово *окаянный* имеет значение 'бедный, достойный сожаления' [3: 378], в словаре П. Дилакторского это слово служит обозначением существ, относящихся к темным силам: *«Окоя'нный (повс.) – дьявол, черт. Ведь окоянный-то как раз в грех введет (Свящ. Попов)».*

Словарь содержит и наименование привидения: *«Орд – привидение, призрак, тень».* В словаре В. И. Даля лексема *орд* с пометой *влгд.* имеет значение 'сретник, привидение, тень призрак покойника' [2, 2: 690].

Несмотря на то что на Севере мифологические сведения об оборотнях очень скудны, в словаре П. Дилакторского представлены наименования *упырь* и *оборотень*: *«Упы'рь. По народному суевию, человек, превращающийся в волка (Опыт словаря)».* Лексема *оборотень* употребляется только в бранных контекстах: *«О'боротень (Вол., Кадн., Тот., Ник.). Иногда от ругани родителей, а иногда и шию колдовства людей обращают в каких-либо*

зверей <...>. Это слово употребляется как ругань, брань. Экой оборотень проклятой, все норовит по своему сделать!»

Особое место в словаре П. Дилакторского занимает слово *канюк*. Это слово имеет вторичное производное значение от основного: «*Канюк* (Вол., Кадн., Вел.). То же, что *канюкало*. Экий *канюк* привязался» («*Канюкало* (Вол., Гр., Кадн., Тот., В-Уст.) – неотступный проситель, ханжа. Уйми ты эту *канюкалу*»). Этого легендарного персонажа П. Дилакторский называет *сарыч* и передает легенду: «В *Кадниковском* уезде записана следующая легенда. Всем птицам и зверям Бог по сотворении земли велел копать в земле углубление для воды. Все птицы послушались, только один *канюк*, боясь замарать о землю свои красивые ноги, ослушался повеления Божия. Бог за это ослушание велел пить воду только с листьев деревьев, когда они бывают влажны после дождя или росы, а не из рек, ручьев, луж и т.п. водоемов. Так и трудно пить и во-вторых древесная листва не всегда бывает влажна и потому *канюк* не может утолить своей жажды и он, постоянно просит пить! пить! пить!» (Этн. Об. 1899: 3)».

Словарь также отражает развитие вторичных нерелигиозных значений слов религиозной семантики. Так, например, слово *ад* с первичным значением – место посмертных мучений грешников, развивает несколько переносно образных значений: 1) «о много едящем человеке» («(Вол., Гряз., Тот.) *Обжора* многоедящий! Эко *адище*, все слопал! (Баженов)»; 2) («(Кадн.) *Рот*, пасть, горло. Я тебе заткну *ад* от! (Муромцев)»; 3) «Сильная непроходимая грязь. Просто *суций ад*! Поди да тут *ад* кромешный. Экой *ад* непокрытой! (Муромцев)». Здесь связь переносного значения слова и его религиозной семантики лежит на поверхности – в отрицательной экспрессии, проявляемой через бранное употребление.

В заключение отметим, мифологические данные П. Дилакторского относятся к позднему времени (XIX век), а значит, отражают мифологическую систему «нового качества» [18: 6], вобравшую в себя сохранившиеся черты старой, но принципиально отличающейся от нее. Устойчивость МП позволяет привлечь материал из других источников для восстановления системы мифологических представлений вологодского крестьянина при отрывочных сведениях П. Дилакторского, что помогает оттенить их самобытность, и вместе с тем их место в общеславянской мифологической системе.

Многие МП имеют ряд наименований. Число лексем, обозначающих тот или иной МП, зависит от степени разрушенности языческих представлений о данном МП, а также от его популярности.

Большую часть мифологической лексики составляют слова с достаточно ясной мотивацией значения. Наименования МП имеют различные вокативные характеристики. Иллюстрации, приводимые П. Дилакторским, представляют собой былички, повествовательные контексты бытовой речи, в которой лексемы выступают в нейтрально назывной функции как названия МП. «Представление о различных духах (анимизм), в т.ч. о т.н. хозяевах, от которых зависит успех деятельности человека <...> и прочие элементы первобыт-

ного мировоззрения» [7: 11] широко отразились в словаре П. Дилакторского. «Восприятие природы как живого организма, который не только живет самостоятельной жизнью (аниматизм), но также одушевлен и наполнен различными духами (анимизм), - это восприятие довольно хорошо сохранилось у восточных славян до наших дней» [5: 411].

Особое значение имеют эмфатические бранные конструкции, наличие которых свидетельствует о разрушении системы МП, переносе наименований демонических существ на свойства характера и поступков человека, хотя «семантические сдвиги в пределах мифологической лексики весьма ограничены» [18: 141]. В целом словарь отражает взаимодействие мифологической лексики с христианской. Несмотря на то что христианская мораль вологодскому крестьянину гораздо доступнее и ближе, он «сознательно или бессознательно придерживается принципа двоеверия: «Бога люби, но черта не гниви»» [5: 411]. Язык в этом случае выступает достоверным источником характеристики состояния религиозных представлений в XIX веке. П. А. Дилакторского отличало особое отношение к своему краю, «в нем ярко сквозила любовь к родине, к краю, к книге» [15: 10], он был хорошо знаком с общей этнографической и бытовой обстановкой своей местности. Культурно-исторический компонент наиболее отчетливо проявляется в словарном составе языка. Эта категория слов тесно смыкается с этнографизмами, отражающими различные верования вологодского крестьянина. Материал словаря П. Дилакторского позволяет восстановить многие черты духовной деятельности жителей Вологодской губернии XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова М. Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. – СПб., 1995.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1999.
3. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М., 2001.
4. Евдокимов П. Библиограф Прокопий Александрович Дилакторский (1868-1910) // П.А. Дилакторский. Опыт указателя литературы по Северному краю с 1766 до 1904 г. – Вологда: Изд-е Вологодского общества изучения Северного края, 1921.
5. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. – М., 1991.
6. Зеленин Д. К. Табу слов у народов восточной Европы и Северной Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1930. – Т. 9. – Вып. 2. – С. 1-166.
7. Мелстинский Е. М. Герой волшебной сказки. – М., 1958.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 2001.
9. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М., 1975.
10. Потебня А. А. Слово и миф. – М., 1989.
11. Русская грамматика. – М., 1980.
12. Словарь русских народных говоров / Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П. - Вып. 1-36. – Л., 1976-2002, издание продолжается.
13. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой – М., 1999.
14. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1-3. - СПб., 1893-1912. Репринтные издания: 1958, 1989.

15. Тарутин А. П. А. Дилакторский. Из личных воспоминаний // П.А. Дилакторский. Опыт указателя литературы по Северному краю с 1766 до 1904 г. – Вологда: Изд-е Вологодского общества изучения Северного края, 1921. – С. 10-15.
16. Толстой Н. И. Избранные труды. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. – М., 1997.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. - М., 1987.
18. Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. – Л., 1983.